

С. И. Бобылева

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ НЕМЕЦКОЙ ДОМОХОЗЯЙКИ КАК МЕДИУМ ПАМЯТИ

В статье рассматривается восприятие событий конца XIX – начала XX вв. немецкой колонисткой Эльзой Клюдт, выраженное в ее «Дневнике». В целом дневниковые записи представляют информацию о жизни в немецких колониях и семьях немецких колонистов. Основная часть «Дневника», посвящена событиям Первой мировой войны и периоду гражданской войны, особенно тем событиям, которые происходили на юге украинских земель. Эльза Клюдт, будучи глубоко религиозной женщиной и женой пастора, отмечала на страницах «Дневника» не только политические события, но и ментальные изменения в среде немецких колонистов, происходящие под влиянием социальных, политических и экономических факторов в эпоху революции и гражданской войны.

Ключевые слова: Эльза Клюдт, «Дневник», память, Гражданская война, революция.

Маленький человек со своим микромиром, являющийся органической частью макромира. Личность – психосоциальный феномен. Она является не только «вещью в себе», но и производит акты, интенционально направленные на другие личности. Процесс формирования личности носит не одномоментный характер и имеет многоуровневую структуру. На неё оказывают серьезное влияние семья, церковь, окружающая среда, национальные традиции, генетическая память и другие факторы. В данной статье речь будет идти об Эльзе Клюдт, уроженке Вюртемберга, жене пастора, которая в начале XX века проживала в ряде немецких колоний на территории южных губерний Российской империи, а с середины 30-х годов в южных областях УССР.

Прежде чем перейти к предмету нашего исследования, следует несколько слов сказать о памяти. В настоящее время в гуманитаристике широко используются понятия «память» и «идентичность». К этим понятиям довольно часто обращаются не только историки, но и политологи, социологи, политики. Еще в 20-х гг. прошлого века французские социологи проявили интерес к социальной памяти.

Именно тогда, благодаря Моррису Хальбваксу, память получила наряду с психологическим, и социологическое определение. Французские исследователи утверждали, что личность может воспринимать действительность и понимать ее лишь в контексте своей социальной группы, семьи. Память понималась ими, как восприятие общественного явления, не имеющего временных и территориальных границ. Однако на протяжении последующих десятилетий эти идеи не были востребованы. Фактически прошлое продолжало интерпретироваться исследователями и посредством таких категорий, как: традиции, наследие, историческая обусловленность, социальная мифология.

Своеобразный перелом в понимании сути памяти произошел в 1960-х–1980-х годах и был связан с появлением книги Е. Шилза «Традиция» (1981), сборника статей «Изобретение традиций» (1983), под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера, а также работ польских и советских историков и социологов (Е. Топольского, М. А. Барга и др.).

В то же время, как отметил Н. Копосов, автор книги «Память строгого режима», обращение к мемориальному дискурсу было обусловлено политическими обстоятельствами [8]. Именно тогда термин «память» начал претендовать на статус ключевого концепта новой парадигмы современного социогуманитарного знания [10, с. 30]. Тогда же во весь голос заявила о себе концепция культуры как коллективной памяти, предложенная московско-тартуской семиотической школой [9]. Конец 1980 – начало 1990-х годов ознаменовались выходом в свет первого номера американского журнала «History&Memoгу» и реализацией проекта «Место памяти», выполненного под руководством П. Нора.

Немецкий культуролог А. Ассман, анализируя сложившуюся ситуацию, сделала вывод о том, что происходит процесс рождения новой парадигмы науки о культуре. Таким образом, формирование memory studies стало проявлением «антропологического поворота» в современной гуманитаристике, когда сама историчность трактуется как «антропологичная универсалия, регулирующая ментальные операции. ...и опирающаяся на историческую память» [2].

Проблемное поле memory studies сегодня неуклонно расширяется. Однако начало исследований было связано именно с изучением наций и национальной идентичности. В нашем случае речь пойдет об идентичности отдельной личности, ее этнической, конфессиональной, гендерной составляющих. Личности, испытывавшей в определенной степени кризис идентичности, связанный с «изменением социальной

ситуации её жизни, сменой реальных позиций в социальной среде и необходимостью соответствовать новым требованиям, предъявляемым обществом» [12, с. 465]. Эти новые требования были обусловлены периодом рубежа XIX–XX веков, определяемым В. Шубартом «как междувременье, апокалипсические моменты в жизни человечества» [5, с. 5]. Подобной оценки придерживался и Н. Бердяев: «Мы живем во времена грандиозного исторического перелома. Началась какая-то новая историческая эпоха. Весь темп исторического развития существенно меняется. Он не таков, каким был до начала мировой войны и последовавших за мировой войной русской и европейской революцией, – он существенно иной. И темп этот не может быть назван иначе как катастрофическим. Открылись вулканические источники в исторической подпочве. Все заколебалось...» [1, с. 4].

Целью данной статьи является исследование исторической памяти немецкой женщины, как носительницы немецкой культуры, в социокультурных условиях ее времени.

Основным материалом для осуществления такого анализа стали оказавшиеся у нас копии дневниковых записей членов немецкой семьи Клюдтов. Архив семьи Клюдтов представляет собой коллекцию из материалов семейной хроники, мемуаров и дневниковых записей. Все документы имеют оригинальный характер, написаны живым языком, и снабжены многочисленными комментариями и ссылками. Эти комментарии довольно подробные, что позволяет предположить, что их сделал человек с высшим гуманитарным образованием.

Рассматриваемые нами материалы принадлежали известному деятелю евангелического движения на юге Украины Симону Клюдту и его жене Эльзе Клюдт, урожденной Керхер. Они охватывают период с середины XIX века до 1970 г. Записи Симона Клюдта дают богатейший материал по истории евангелического движения на Юге России, религиозной жизни и быта Германии и Швейцарии. Дневники Эльзы охватывают гораздо больший период (она пережила своего мужа на 40 лет). Они более подробны (практически ежедневные записи) и отличаются остроумной наблюдательностью. В записях и «Дневнике» Эльзы имеется материал о Германии и России конца XIX – начала XX вв., о событиях периода революции и гражданской войны, сведения о первых годах советской власти, коллективизации, репрессиях, депортации немцев на Урал. Интересны описания методов работы с населением карательных органов, отношений немцев и местного населения.

Несмотря на то, что многие изложенные факты требуют серьезного изучения и научно-исторических комментариев, в литературном отношении тексты, обработанные Эльзой, практически безупречны.

Архив семьи в целом охватывает период с конца XVII века до 1973 года. Судя по замечаниям в тексте, существовали и более ранние семейные хроники Клюдтов, утраченные к моменту переселения их в Россию. Ранние документы в оригинале написаны готикой, а затем переведены Эльзой обычным почерком. На русский язык материалы переведены её детьми.

Части рукописи:

I Фридрих Август Клюдт (1811-1897) – 54 страницы

II Еще кое-что о дедушке Августе Клюдте – 25 страниц

III Записи и «Дневник» Эльзы – 203 страницы

Материалы рукописей позволяют изучить хозяйственную деятельность членов семьи Клюдт, участие их в политической и общественной жизни страны, культурно-религиозную жизнь, внутрисемейные отношения.

Материалы дневниковых записей Эльзы можно рассматривать сквозь призму теории «принудительной нормализации» Мишеля Фуко и концепции «изменений коллективной идентичности» Альберто Меллуччи [См. 13; 14]. «Принудительная нормализация» предполагает три взаимосвязанные фазы: концепция, реализация, результат. Каждая из них отражает главные моменты технологии изменения идентичности, когда возникает ее новый стандарт (новый политический, социально-экономический, культурно-лингвистический норматив); возникают новые границы и новая социальная иерархия; внедряются новые групповые ценности (через образование, пропаганду, труд...). Эти теоретические построения могут стать своеобразной матрицей для понимания сути явлений, изложенных в дневниковых записях Эльзы Клюдт.

Дневниковые записи Эльзы Клюдт, были продолжением семейной традиции Клюдтов. Но если ранее записи семейной хроники были делом мужской части семейного клана, то теперь перо оказалось в руках женщины. И она оказалась способна через семейную хронику, описание быта семьи, отношений в колониальной среде выйти на проблемы понимания истории, социума и политики. Необходимо отметить, что часть этой рукописи была написана позже и представляет собой по сути воспоминания, а не дневниковые записи.

Тексты Эльзы Клюдт имеют очевидную гендерную специфику. Этот материал дает представление не только о быте рядовой семьи в Вюртемберге, о явлениях урбанизации в германских землях, но и фиксирует положение женщины, на достаточно широком «полотне» событийной истории Германии 1890-х гг. Речь идет о тех нормативных кодах, которые предписывались обществом для женщин; идеалах женской скромности, строгости воспитания, возможностях получения образования, подходах к выбору брачного партнера, рамок приемлемой деятельности [6, с. 58].

Записи Эльзы о своем детстве и отрочестве свидетельствуют о ее литературных способностях. Она не просто фиксировала события и свое место в них, а подробно создавала почти зримую картину немецких городов, улиц, домов, транспортных средств тех лет. Это позволяет нам «пройти» по улицам Штутгарта, Берлина начала XX века. Такая детализация происходившего в обществе (в Германии и позже в России), позволяет ощутить, как окружающая среда и обстоятельства жизни повлияли на изменение характера этой незаурядной женщины.

Эльза вышла замуж в Германии за Симона Клюдта, приехавшего в Швейцарию и Германию, получить соответствующее религиозное образование. И уже вместе с ним приехала в Российскую империю. Проживая в немецкой колонии, посещая родственников мужа в других колониях, у нее не было необходимости в овладении языком жителей соседних украинских и русских сел. На начальном этапе это не вызывало затруднений. Такая ситуация обусловила отсутствие в дневнике сюжетов, описывающих культурное взаимодействие, взаимовлияние рядом живущих народов, оценок традиций, обычаев автохтонного населения. Проживая в немецкой колониистской среде, она отмечала появление новых черт религиозной обрядности, которые в самой Германии отсутствовали. Например, Эльзу раздражала практика целования прихожан в Рождественский сочельник. Она считала, что, это можно «сравнить иногда с поцелуем Иуды».

В первой части «Дневника» мы часто встречаем её обращение к Богу, цитирование Библии, религиозных четверостиший. Рождение каждого ребенка (а Эльза родила восьмерых детей, двое из которых умерли в младенческом возрасте) сопровождалось благодарением Богу за посланное чадо. Но и смерть детей в записях «Дневника» также была отмечена ссылкой на Библейский текст. Безусловно, это не было проявлением чистой формальности. Будучи женой пастора, она

отличалась большой религиозностью, что было вполне естественно. Ведь даже в девичестве она мечтала выйти замуж за священника. В тоже время в ней отсутствовал религиозный фанатизм. Скорее всего по записям можно отметить ее протестантский практицизм, проявлявшийся в обыденной жизни, в отношении к сложностям, возникавшим у мужа (Симона Клюдта) с прихожанами. Рождение каждого ребенка, а она была прекрасной матерью, являлось для нее своеобразным членением жизненного цикла. Многие страницы «Дневника» касаются бытовых подробностей, событий в семье, повседневности колониетского общества. Конечно, эти свидетельства субъективны и преломляются через жизненный опыт самой Эльзы. Появление столь подробных записей свидетельствует не только о желании автора выразить свое Я [11, с. 19], но и является свидетельством душевного одиночества, когда Эльзе хотелось философски рассуждать, оставаясь наедине с собой. И это при том, что у нее были прекрасные отношения с мужем, большая дружная семья. Очевидно, этот семейный «мир» для ее души был узок. Её душевное настроение как раз и находило свое выражение на страницах «Дневника». Начавшаяся Первая мировая война стала величайшей трагедией в мировой истории. Что же касается Эльзы, то известие о войне было воспринято ею как крушение мира, ниспровержение привычных ценностей. Довоенный же мир стал восприниматься пасторально-идиллическим «Раем». В то же время Эльза оценила войну объективно: «Все люди не хотят войны, а все равно она идет» [4, с. 48], что свидетельствует в пользу утверждения, что «травма – это не просто патология, но и способ или попытка выражения истины» [7, с 561]. Одновременно, на примере текста «Дневника» Эльзы Клюдт можно проследить изменения отдельных черт немецкой ментальности.

Если перечислить черты национального характера немцев, которые неоднократно отмечались современниками, а ими были: основательность, опрятность, точность, принципиальность, педантичность, честность, экономность, трудолюбие, хладнокровие, чувство собственного достоинства [3, с. 183], то в характере нашей героини все они явно присутствовали. Так, она приводит (и не однократно) данные о стоимости ряда продуктов питания и предметов первой необходимости. Причем цифры позволяют построить своеобразную диаграмму роста цен от начала 1914 года, практически, до окончания Гражданской войны. Для немки, с её тяготением к порядку, размеренности жизненного уклада, война стала катастрофой, тем более,

что все происходившее сопровождалось и социально-экономическими потрясениями. Эльза была не совсем обычной немецкой домохозяйкой, жизненный мир которой был ограничен тремя «К» – «кухня, киндер, кирха». Она представляла собой новый тип женщины, придерживающейся феминистских взглядов. Эльза проявляла большой интерес к политическим процессам, проходившим в стране, она следила по немецкоязычной прессе за событиями на фронтах как на Западном, так и на Кавказском, отмечала недостоверность газетной информации, замалчивание ряда важных событий, искажение фактов. Эльза отмечала изменения, начавшие происходить в российском обществе с началом войны. Она описывает проведение антинемецкой кампании, нашедшей свое выражение в запрете немецкой прессы, переименовании названий, вывесок на немецком языке, запрете церковной проповеди на нем. При этом Эльза отмечает и изменение отношения к немцам на уровне межличностных отношений. Она пишет, что люди стали реже приходить друг другу в гости из-за боязни доноительства со стороны соседей о нарушении языковых ограничений. Возможно ли говорить о том, что данные явления озаменовали трансформации национальной идентичности?

Политические события, связанные с крушением монархии, распадом империи, Гражданской войной получили своеобразную оценку автора дневниковых записей. По поводу последней она записала: «Льется кровь братьев» [4, с. 58]. Эльза с самого начала периода политических потрясений стала отмечать серьезные изменения в среде колониستской общины. Менялись нормы и модели человеческого поведения в травматически меняющемся мире. Автор дневниковых записей отмечала кризис религиозности («люди больше не спрашивают о Боге»), фиксировала факты экономического расслоения, описывала жизненные стратегии безземельных жителей, готовых для изменения своего положения привлекать представителей новой власти. Эльза описывала процесс создания «Комнезама», во главе «с самым безалаберным, почти похожим на бродягу, Иоганнесом Лайтером», а также Революционного Комитета «в который вошли самые большие негодяи, получившие права распоряжаться жизнью и смертью» [4, с. 58]. Автор высказывала сомнения по поводу возможности восстановления порядка в стране. Она пишет: «Как будет – неизвестно. Подчинится ли народ. Он не привык к порядкам и необуздан». Частая смена власти, происходившая в те годы, нестабильность и ее последствия – все это отразилось на

страницах «Дневника». Много страниц посвящено махновщине. Свидетельства Эльзы о бесчинствах сторонников Махно противоречат ныне существующей точке зрения о позитивном отношении Махно к немецким колонистам. Так, она пишет: «Махно мучил, резал, насилывал, но Симону (мужу) он ничего не сделал, а Сталин его убил». Само по себе это замечание говорит о многом. Сделано оно было уже в послевоенный период, т. е. после 1945 г. Следовательно, Эльза возвращалась к своим записям спустя почти 30 лет. Таким образом, дневниковые записи содержат и элементы воспоминаний. Сын Эльзы, Гильмар, который переводил записи на русский язык, заметил, что пять страниц рукописи вырваны составительницей, возможно из-за боязни за семью, в случае если «Дневник» попадет в чужие руки. При этом Гильмар записал: «Жаль, ведь это сама история».

Интересны оценки Эльзы Германии, а также немецкой армии, в том числе и во время её присутствия на Украине. Ей – немке, чье формирование как личности прошло в Германии, оказавшейся волею судьбы в другой стране, было очень трудно давать такие оценки. Происходило фактически раздвоение сознания в восприятии политики Германии и её армии. В одном случае, Эльза описывает жестокость немцев в отношении тех русских, которые проживали в Германии к началу войны, в другом, заявляет о, якобы, проявлении такта немецкой стороной в ходе революционных событий в октябре 1917 года: «У германцев столько такта, – пишет она, – что оставили русских в покое, пусть сами себя расчлениют» [4, с. 51]. Записи велись практически ежедневно и это позволяет проследить изменение тональности характеристик, даваемых Эльзой, немецкой армии. Так, 22 апреля 1918 г., она пишет, что в селе (Нойгоффунг – Ольгино) гостили немецкие солдаты. В церкви и на кладбище играл духовой оркестр. Они присутствовали на сельской свадьбе Якова Шоля и Алиции Вольф, где опять играл оркестр и производились ружейные салюты. Но уже 14 мая речь шла об изъятии продуктов для Германии в счет покрытия трех Германских государственных займов и вооруженной охране, сопровождавшей 18 подвод с продовольствием. И, наконец, 15 декабря 1918 года она записала в своем «Дневнике»: «Мы замечаем, что германцы опять убираются с Украины» [4. с. 61]. Терминологические нюансы прекрасно иллюстрируют смену оценок автора.

Продразверстка 1920 г. и голод 1921–1922 гг. ярко проявили национальные черты характера Эльзы и те изменения, которые

произошли в ней самой, и в среде немецких колонистов. Подробно перечисляя запасы продовольствия в семье на конец 1919 года, она как бы сообщает нам о том, что предстоящий год можно было пережить. Но наступивший год, принес новые испытания. В немецких колониях, как правило, раньше не было нищих, там всегда присутствовала взаимовыручка. Но времена менялись и, зачастую, люди изменялись далеко не в лучшую сторону. Влияние травматического опыта войны на массовое сознание проявилось в его милитаризации, в радикальном изменении моделей поведения. Участились ночные грабежи на почве нехватки продовольствия. Эльза Клюдт не исключала вероятности участия в них малоимущих жителей своей немецкой общины. Часть населения начинала утрачивать религиозные чувства и морально-этические качества. Ею отмечались проявления стихийного атеизма. Так, сапожник Эдуард Майер грозился убить пастора Симона Клюдта. Появилось доносительство, усилились чувства зависти и злобы. Это побуждало некоторых колонистов писать доносы даже на пастора. Эльза отмечала, что в семью, где было шестеро детей и летом ожидалось появление еще одного, зимой 1920 г. пришли не просто за хлебом, а явились по доносу прихожан прихода Симона Клюдта. Об этом пастору на смертном одре признался один из составителей этого доноса. Эльза пишет, что раньше она отдавала деньги, драгоценности, золото, приходившим с целью конфискации анархистам, большевикам, махновцам и казакам без проявлений сильных эмоций. И никогда не плакала. Но в 1920-м г. происходившее осознавалось ею как абсолютная трагедия семьи, она расплакалась, молила, просила.

С учетом черт немецкой ментальности по-особому воспринимается поступок Эльзы, когда она, до прихода комнезамовцев, спасая хотя бы малую толику продуктов, наполнила детские матрасы ячменём, несмотря на возражения мужа. Этот поступок не укладывался в нормальные рамки поведения немки, однако она пошла на это, спасая тем самым своих детей. Припрятанное ею зерно, спасло семью летом и осенью 1920 года. Мотивация поведения людей даже в одной семье могла быть разной. Так, Эльза пишет, что находившуюся в их сарае кукурузу, почему-то не забрали и Клюдты обменивали её на пшеницу, вес на вес. «Люди и больше бы дали, – пишет она, но Симон этого не хотел». Если Эльза руководствовалась материнским инстинктом, заботясь о сохранении потомства, то для Симона Клюдта нравственные понятия были выше существующих обстоятельств. В данном случае речь идет о примере механизма принятия решения членами одной

семьи, обусловленности происходившего, выборе решений, мотивах которыми они руководствовались [13, с. 68].

Тем не менее семья пыталась хоть чем-то помочь бедствующим, ибо в селе было к тому времени уже 50 умерших от голода. Так, к Ключдтам периодически приходила обедать семья Рау: отец и две дочери. Одна из них, Елена, рассказывала, что дома у них ели кошек и собак, но ей ничего не дали. То есть в немецкой семье, где традиционно было особое отношение к детям, голод довел её членов до того, что они лишали своего же ребенка куска кошатины.

Что касается самих Ключдтов, то они вынуждены были закрывать дверь и завешивать окна, когда садились кушать. Трудно себе представить душевное состояние добропорядочной матери, дающей похлебку своим детям в то время, когда за завешенными окнами умирали дети соседей. Интересно восприятие Эльзы большевиков, и новой власти. В одном случае она пишет: «Большевики уже в Екатеринославе. Будет худо, если они придут. Они всё заберут, что найдут» [4, с. 63]. В «Дневнике» даётся нелицеприятная оценка поведения Михаила Фрунзе, штаб которого находился в доме Ключдтов. Однако необходимо отметить, что ранее семья прятала «одного красного, который был делегатом от красного правительства Екатеринослава». Эльза высоко оценивала деятельность Ленина и политику НЭПа, введение которой приписывала лично ему.

Таким образом, нами был проанализирован материал, содержащийся только в первой части «Дневника». Борьба с религией, антирелигиозная пропаганда в школе, коллективизация, репрессии, депортация на Урал и в Сибирь в период Великой Отечественной войны, послевоенная история семьи вплоть до 1970 г. – обо всем этом идет речь во второй части «Дневника».

Анализируя материалы «Дневника» Эльзы Ключдт, мы исходим из мнения, высказанного Мишелем Фуко о том, что историческая наука не занимается описанием эпохи, она анализирует феномен разрыва, феномен переходов в истории, представляющий смену исторических циклов. Действительно, годы рубежа XIX – начала XX веков стали временем, когда началась новая эпоха, характеризующаяся иной картиной мира. Фактически, все происходившее можно скорее назвать не переходом, а разрывом. Динамизм происходивших политических, экономических, социальных, религиозных изменений на территории Украины в рассматриваемом нами время, порождал в сознании людей состояние, определенное Э. Тоффлером, как «футурошок» [Цит. по: 12, с. 15].

В заключении можно подвести некоторые итоги. Эльза Клюдт, безусловно, являлась носителем национальной памяти. Ее «Дневник» представляет собой уникальный источник для рассмотрения трансформации национальной идентичности немки, проживающей вне Германии. Анализ дневниковых записей позволяет сделать выводы о том, что в условиях мирного существования немецкие колонисты продолжали сохранять свои культурно-национальные традиции. Однако период социальных катаклизмов стал серьезным испытанием для культурной идентичности нашей героини. При этом на изменение оценок Эльзы Клюдт в большей степени влияли не столько эпохальные события, сколько изменения, происходившие в среде немецких колонистов: мутация духовно-ценностных ориентиров, социальное противостояние, что разрушало саму национальную идентичность, превращая зачастую «своих» в «чужих».

1. Бердяев Н. Смысл истории / Н. Бердяев. – М., 1990.
2. Васильев А. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов (Обзор англоязычных книг по истории памяти) / Новое литературное обозрение. – 2012, № 117. – С. 461–480.
3. Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи или увидеть русского дано не каждому / Е. Вишленкова. – М., 2011.
4. Дневник Эльзы Клюдт / копия, имеющаяся у автора, была предоставлена внуком Эльзы Клюдт, Вольдемаром, в 1993 году [Рукопись]. – 203 с.
5. Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах / отв. ред. Н. А. Хренов. – М., 2002. – 467 с.
6. История через личность: Историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. – 2-е изд. – М., 2010. – 720 с.
7. Карут К. Трама, время и история / К. Карут // Травма пункты. – М., 2009. – С. 561–581.
8. Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России / Н. Копосов. – М., 2011. – 320 с.
9. Лотман Ю. М. Тартуско-московская семиотическая школа / Ю. М. Лотман. – М., 1994. – 556 с.
10. Малинова О. Ю. Россия и «Запад» XX века: Трансформация дискурса о коллективной идентичности / О. Ю. Малинова. – М., 2009. – 190 с.
11. Фукс-Хайнриц В. Биографический метод / Вернер Фукс-Хайнриц // Биографический метод в социологии: История, методология и практика / ред. коллегия Мещеркина Е. Ю., Семенова В. В. – М., 1994. – С. 90.

12. Хренов Н. А. Опыт культурологических интерпретаций переходных процессов / Н. А. Хренов // Субъект во времени социального бытия: историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции / А. С. Ахизер, А. В. Бездидько, З. И. Галич, И. В. Кондаков, Э. В. Сайко [и др.] / отв. ред. Э. В. Сайко. – М., 2006. – 598 с.
13. Foucault M. Discipline and Punish. The birth of the Prison / M. Foucault. – Harmondsworth, 1979.
14. Melucci A. The process of collective identity / A. Melucci // Social movements and culture. / ed. by H. Johnson, B. Klaudermas. – Minneapolis, 1995. – P. 41–63.

Бобилева С. Й. Щоденникові записи німецької домогосподарки як медіум пам'яті

У статті розглядається сприйняття подій кінця XIX – початку XX ст. німецькою колоністкою Ельзою Клюдт, висловлене на сторінках її «Щоденника». У цілому щоденникові записи надають інформацію про життя в німецьких колоніях та родинях німецьких колоністів. Основна частина «Щоденника» присвячена питанням Першої світової війни та періоду громадянської війни, особливо тим подіям, які відбувалися на півдні українських земель. Ельза Клюдт, яка була релігійною жінкою та дружиною пастора, на сторінках «Щоденника» відзначала не тільки політичні події, але і ментальні зміни у середовищі німецьких колоністів, що відбувалися під впливом соціальних, політичних та економічних факторів в епоху революції та громадянської війни.

Ключові слова: Ельза Клюдт, «Щоденник», пам'ять, Громадянська війна, революції.

Bobyleva S. I. The Cerman Housewife's Diary Entries as the Medium of the Memory

In this article, the perception of the events in the end of 19th – early 20th centuries by Elsa Klyudt, a German, native of Württemberg is analyzed. The article is based on her diary entries. These materials represent the life in German towns in the last third of XIX century, traditions and the life of German families of those years. The bulk of Elsa's records refer to a difficult period during the First World War and the Civil War, specifically to the events that took place in the South of Ukraine. Elsa Klyudt, being a deeply religious woman and wife of Pastor Simon Klyudt, pedantically registered in the pages of her "Diary" not only political events, which were developing in German colonies with kaleidoscopic speed, but also the mental changes in the German towns under the influence of the social, political and economic change during the Revolution and civil War.

Keywords: Elsa Klyudt, "Diary", memory, civil war, revolution.